

**“Власть - роковое слово.”**

**Вебинар LT007 - 27.02.2019**

<https://youtu.be/2pHVTe0-CgQ?si=X7icnqBOJCUK6nwg>

**1:01:43**

**о. Андрея Лоргуса:**

[Говорящий 3]

Здравствуйте, здесь Алексей Бушуев, Ольга Колчина. Здравствуйте, Ольга. Здравствуйте.

Здравствуйте, я хотел сказать. Ольга много задавала вопросов, и, собственно, я предложил, и отец Андрей поддержал этот момент, что не позвать ли нам вживую Ольгу в студию и не позадавать вопросы тоже вживую.

[Говорящий 1]

А вот из тех вопросов, которые здесь написаны в чате, Ольга, здесь какие-то ваши есть?

[Говорящий 2]

Нет, это все вопросы Алексея, но некоторые из них перекликаются. Но мы с разных сторон на это посмотрели. Я с точки зрения логики, а он с точки зрения эмоций людей.

[Говорящий 1]

Интересно. С точки зрения логики это как?

[Говорящий 2]

Ну, например, у вас есть очень интересное сравнение в самом первом вашем видео про власть, что власть имеет две стороны медали. У власти есть как подчиняющийся, так и властвующий. Мы много говорили о властвующих, но мы очень мало говорили о подчиняющихся.

А вот интересно, подчиняться это тоже определенный дар. Этому тоже как-то нужно обучиться. Какими качествами должен обладать подчиняющийся?

Ведь когда мы говорим о подчинении, если человек и не хочет подчиняться, но и не берет на себя властвование, то получается, что он

впадает в невроз. То есть тогда получается, что подчинению тоже нужно учиться.

[Говорящий 1]

Да.

[Говорящий 2]

Какими качествами?

[Говорящий 1]

Да, и тут надо сказать, что человек, который не научился подчиняться, он не умеет властвовать. Это две стороны действительно одной медали. Медали – это такой способ отношения человека с человеком, в котором взаимное должно быть разделение ответственности.

Я подчиняюсь, ты командуешь. Я командую, ты подчиняешься. Это должно быть.

Иначе эта система не будет работать. И тогда это превратится в систему борьбы за власть. И будет тогда насильник, и будет тогда оппозиционер.

И это будет нерабочая модель. То есть, если это живая, здоровая власть, то тогда тот, кто властвует, он находится в договоре, в контракте с подчиняющимся. И наоборот.

Подчиняющийся говорит, да, я выполняю твои приказы, я принимаю это руководство, я выполняю, ты решай. Это здоровая система. Какие качества у подчиняющегося?

Прежде всего, это ответственность за ту роль, которую он берет на себя. Подчиняться – это тоже роль. И роль достаточно непростая.

Потому что человек берет ответственность на себя за то, что он исполняет не свою волю, а чужую волю. Это непросто. Но при этом, при всем, он подчиняется, то есть он эту чужую волю не принимает как свою.

Он не говорит, это моя воля. Тогда это будет уже послушание. Совершенно другой тип отношений.

А он говорит, да, я принимаю твою волю, я подчиняюсь тебе, ты командуешь, ты несешь ответственность за это решение. А я несу ответственность за то, что я исполняю твою волю. Именно твою.

И заметь, говорит подчиняющийся, это не моя воля, это твоя. Ты несешь ответственность за то, какое решение ты принял и на меня его распространил. Я выполняю твою волю, я как бы твоя рука, я как бы твои мышцы, я твое действие.

Я усиливаю твоё решение своей энергией, своими способностями, своими компетенциями. Но ответственность несешь ты.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, я правильно понимаю, что подчиняющийся это инструмент для властвующего, а властвующий он реализует именно свою личную персональную волю?

[Говорящий 1]

Да, но только не инструмент. Потому что инструмент, он безволен и безответственен. А подчиняющийся ответственен за то, что он исполняет эту волю.

Понимаете, вот дурная модель армия, дурная модель власти, когда, допустим, сержант говорит, вот копаем отсюда и до обеда. И солдаты, рядовые говорят, да, копаем отсюда и до обеда. На самом деле они садятся или загорают на солнышке или ничего не делают.

То есть они не исполняют свою функцию подчиняющихся. Они имитируют подчинение, они его саботируют. И мы с этим сталкиваемся в сфере бюрократической, мы сталкиваемся с этим очень часто, когда подчиненные не подчиняются, а они просто имитируют и выстраивают саботаж вышестоящему.

Значит, там нет контракта, значит, там нет подчинения. Подчиняться, да, это ответственность за то, что я буду исполнять тот указ, приказ, инструкцию, которую мне спустили сверху.

[Говорящий 3]

Это ответственность. У меня провокационный вопрос, который на самом деле меня волнует. Я когда готовился к нашей работе, у меня возник такой момент.

В ситуации фашистской Германии люди искренне совершенно шли за фюрером и очень расстраивались, когда весь проект фашистской Германии, нацизм и потерпел крах. Вот это получается здоровая модель власти?

[Говорящий 1]

Я думаю, что там были и здоровые модели власти, были и такие же имитационные модели власти. Потому что были люди, которые подчинялись, но саботировали, были люди, которые ненавидели фюрера, но тем не менее воевали. Например, Люфтваффе, это в основном были дворянства, и эти люди, которые ненавидели фюрера, но любили авиацию, любили войну, и они потом-то и устроили заговор в 44-м и поплатились.

10 тысяч было казнено за это. Там было другое. Именно они саботировали приказы фюрера, но не в качестве войны, а в качестве своего личного и политического, и идеологического руководства.

Были те, кто искренне верили и реализовали здоровую модель власти. Я думаю, что таких было такое достаточное количество, чтобы вся эта машина функционировала как минимум 10-12 лет, и она функционировала отменно. Если даже брать с 1933 года, хотя на самом деле машина была построена чуть позже, как минимум 10 лет она функционировала хорошо, добротнo.

Так что да, там было много людей, которые искренне подчинялись и исполняли свою функцию подчинения очень добросовестно. Но это не только по отношению к фюреру, а по отношению к любому начальнику гражданского, офицеру военному или еще кому-то. Ну да, так и есть.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, правильно ли я понимаю, что вот эта ответственность за подчинение, выполнение решения, она приходит, когда ты разделяешь цели того, кто это решение озвучивает. Ведь решение направлено на достижение какой-либо цели, и у тебя либо конкурентно вот эти цели, либо нет.

[Говорящий 1]

Нет, как раз вы говорите о послушании. Послушание или единомыслие – это когда подчиненный принимает не только волю начальника, но и свято верит в его идеи. Таким образом, он становится уже не просто подчиненным, он становится его адептом, и это уже, по сути дела, духовнические отношения или религиозные отношения.

Когда подчиненный не только подчиняется воле начальника, а он еще и верит в его истину. В его истинность. Это уже будет послушание.

Послушание – это принятие воли, принятие правоты, истины. И при послушании, и при вот этом религиозном отношении, духовном

отношении, подчиненный становится не просто исполнителем воли, а он берет на себя ответственность за правоту начальника. Ответственность.

Он начинает разделять с ним правоту. И поэтому в случае, в вопросе, который задал Алексей, люди, которые верили фюреру, и не только фюреру, но вообще идеологии всей, которую национал-социалисты развивали, они исполняли это не по должности подчинения, а уже из своей веры. Тогда они несут ответственность и за саму национал-социалистическую немецкую идею.

Точно так же, как и коммунисты русские, которые верили не только Сталину лично, Жукову лично, Хрущеву лично, они верили в саму идею. И они выполняли приказы партии, начальства, не только потому что подчинялись им, но еще и потому что они брали на себя ответственность за истинность этой идеи. Тогда они несут уже ответственность за эту идею.

И, соответственно, коль несут ответственность, значит, они могут быть привлечены к ответственности за идеи. Когда человек говорит, нет, я не верю в эту идею, я ничего не буду делать, но коль сказали, что копать от забора до обеда, я буду копать от забора до обеда. Пожалуйста.

Но я исполнил свой долг. Вот я эту болванку сделал, танк я построил, построил, все, отстаньте от меня.

[Говорящий 2]

Смотрите, отец Андрей, тогда как интересно получается. Если мы говорим про политическую систему и говорим, что обратная сторона вот этой политической власти, когда люди искренне идут за своим идейным лидером, это не подчинение, а вторая сторона – это послушание, то тогда о какой власти и самовластии мы говорим вот с этой стороны медали, если мы говорим о политической системе? Это тоже власть, но она какая?

[Говорящий 1]

Конечно, власть, и власть, и лидерство, и власть духовная. Ведь вот смотрите, когда человек говорит, я даю вам приказ, а вы выполняете, ну и подчиненные добросовестно идут и выполняют приказ. Но в политической системе этого мало.

Лидер говорит, вы должны поверить в мою идею, иначе вы не сделаете того, что я от вас хочу. Вы должны поверить, что я прав, вы должны принять мою точку зрения, иначе у вас не получится то, чего я хочу. И тогда он начинает агитировать, тогда он начинает вовлекать в свою идею, он начинает пропаганду, он начинает развивать идеологию, и ему

желательно такому политическому лидеру привлечь на свою сторону именно не благодаря контракту подчинения, а благодаря вере в идеологию, вере в идею.

Тогда эта система намного более эффективна с точки зрения лидера, потому что тогда подчиненные, адепты, они будут выполнять больше, ревностнее, и будут еще при этом говорить, что они счастливы. Но это уже такая другая система власти, действительно, власть уже духовная, пожалуй. Идеологическая власть, она и есть власть духовная, конечно.

Но ведь это так же и в семье. Если ты любишь меня, то сделай вот это. Ну, то же самое.

Из любви мы можем сделать на 100% больше, чем из подчинения. Если жена говорит мужу, иди на рынок и купи вот это, вот это, вот это, дает ему четкий список, он идет и покупает. Потом выясняется, что он купил не то.

А муж говорит, извини, но тут в списке написано, вот горошек, бондуэль. Вот я тебе купил горошек, ты не тот горошек купил, надо было посмотреть, какой там свежий, какой более эффективный. Нет, извини.

А когда муж идет и говорит, я знаю, что ты любишь, я куплю то, что ты любишь, и я знаю, что ты выберешь, и выбирает даже больше, лучше, качественнее, вкуснее, чем то, что ему жена любит. То, что сделано из любви, всегда бывает эффективнее, то, что сделано из подчинения. Поэтому политик, конечно же, стремится не просто к власти, бюрократической власти, а он стремится к духовной власти, чтобы завоевать не только волю, но и сердца своих подчиненных.

[Говорящий 2]

Получается, и руководитель должен стремиться к этому, потому что если он завоеует сердца своих подчиненных, компания, построенная на любви, будет работать с энергетическим эффектом в разы лучше?

[Говорящий 1]

Конечно, конечно, только это невозможно. Почему? Понимаете, какая штука?

Любая компания, которая... Вот я имел с этим дело в качестве эксперта, я рассказывал Алексею, кажется, наверное, уже даже не один раз, одна крупная госкомпания пригласила психолога в качестве эксперта, как создать систему, как же это они называют, систему не производственных

отношений, а систему духовно-нравственных отношений в компаниях, что-то вроде этого. И на примере у них было две системы.

Это система Toyota и система General Motors. То есть это такие идеологии компании. И вот они пытались это перенести на нашу почву.

И мы пришли к такому достаточно понятному и простому эффекту. Да, можно создавать такую идею, но сама идея этой компании должна быть доведена до религиозной веры каждого сотрудника этой компании. То есть от мала до велика, то есть от уборщицы до генерального директора или совета директоров каждый должен верить.

Верить в эту идею, потому что он работает не за прибыль, не за деньги, не за зарплату, не за откаты, а он работает за идею. Но как только этот топ-менеджер ознакомился с нашими результатами и сказал, нет, нам этого не надо. То есть они хотят создать эту идею для низшего звена, но мы сами верить в это не будем.

Ну, это не работает. Поэтому любая корпорация, которая ставит себе такую задачу, как Ольга, Вы спрашиваете, она должна решить для себя просто, а сами-то мы будем в это верить или не будем? Если не будем, не получится.

[Говорящий 3]

Здесь как раз, мне кажется, вопрос вот этой эзотерики, что есть религия для нижних слоев, а есть для верхних. Это как раз получается, что все и так подламывает очень хорошо.

[Говорящий 1]

Конечно. Это невозможно, потому что уж если входить в такую задачу, построение такой религиозной системы, то она должна и действовать как религиозная система. Но в Японии это можно, а в России это нельзя.

Понимаете, после коммунизма надловилось все. Потому что коммунизм действительно построил систему, которая была основана на глубокой вере, религиозной вере в идею коммунизма. И ради этого люди жертвовали собой.

Многие поколения, десятки миллионов людей говорили, да, мы понимаем, мы живем бедно, мы живем плохо, мы там плохо, но мы делаем это ради вот этого. И эксперимент этот, он, в общем, можно сказать, удался, он получился. То есть в 60-е годы поголовное большинство Советского Союза верило в эту идею и трудилось, не щадя себя.

То есть в 50-е, 40-е, 50-е, 60-е, когда создавалась вся современная оборонка, космическая промышленность, и все, что мы сейчас имеем, создавалось именно в эти три десятилетия. Именно на подъеме на этой вере, на огромном доверии, которые люди. И когда это все стало ломаться и рушиться в 70-е, 80-е годы, когда появилась жуткая оскомина, то, что мы верили, а они нас предали, ну, то есть почти.

Когда выяснилось, что никто в это не верит, все это рухнуло, больше этот эксперимент не пройдет. Люди больше не верят. И это надолго, это на десятилетия, вот эта оскомина не давит.

Поэтому новую систему религиозную в России не построят. Типа коммунистическую. Но ломилось, не бывает.

Повторять, ну, такие штуки не повторяются. Так же, как в Германии. В Германии невозможно построить больше национ.

Не получится. Так же, как в Китае, так же, как в Албании, так же, как на Кубе. Больше не пройдет.

Все. Раз попробовали, больше не будет.

[Говорящий 3]

Но ведь так же, ну, так же возможно и не получится построить что-нибудь на основе, ну, той же христианской идеологии.

[Говорящий 1]

Нет, не получится, нет. А тут надо говорить о другом. Я думаю, вот если мы переходим от этой темы, то я думаю, что самое живительное и добросовестное сегодня это построить систему, которая основана будет на основе все-таки глубокого понимания, что работают не деньги, не только деньги, работают не только мускулы, работают не только станки, земля, недра, а работают люди, у которых есть ресурсы интеллектуальные, эмоциональные, национальные, религиозные, духовные, все, все ресурсы.

Работают люди, а не деньги, земля и негде. Вот на этой системе можно построить только, то есть, о чем я говорю, по сути дела, это идеология человека. И человеческое, все, что относится к власти, к подчинению, к вере, к доверию, к рассуждению, к интеллекту, это все будет работать.

Мое убеждение такое. Важно построить это не только с учетом денег или ресурсов, недр, или станков, или еще чего-то, а в первую очередь построить на ресурсах человеческих. Рассчитывать сейчас, что люди

поверят заново в идею, не приходится, нет, потому что оскомина долго еще будет себя, так сказать, терзать.

Нам еще предстоит расплатиться за оскомину денег. Ведь сейчас, что произошло после 90-х лет, после 90-х годов, сейчас идет страшное разочарование во власти денег. Ведь большевики убеждали народ, что деньги все решают.

И когда 90-е случились, все сказали, ага, ну вот, давайте, значит, теперь ради денег. Наконец, сейчас убедились, что деньги – идея провальная, по крайней мере, она все не решает. И сейчас будет большая-большая оскомина на всех и вся, что вот вы нам говорили, все решают деньги, а деньги не решают, оказывается, все.

Пока этот откат, маятник пока качнется идеологически, и начнется поиск нового. Кстати, у молодежи он начался уже. Ну, это мое личное ощущение.

Молодежь, которая сейчас занята, прежде всего, в IT-сферы, они как раз понимают, что вот у них сейчас надежда на мозги. Они рационалисты, они думают, что интеллект их спасет.

[Говорящий 2]

– Смотрите, Отец Андрей, на самом деле не только в IT это же самое присутствует, но много общаюсь с молодежью, которая занимается политикой, и у ребят присутствует то же самое. То есть, когда вы говорите, что сейчас идеология не зайдет, на самом деле произошел такой момент переломный. То есть, огромная страна, огромное количество людей, которым нужна вера в какое-то будущее, и этого понимания нет.

То есть, какая-то идеология, она все равно должна прийти. Эту идеологию должен сформировать человек. И здесь действительно мышление молодых, наверное, оно встает в первую очередь, тех ребят, которые ставят людей как главную ценность, которые верят в то, что человеческий ресурс в принципе готов и может все решить.

И насколько я, плотно общаясь с властью, с людьми от власти, начинаю чувствовать то, что происходит вот этот вот кризис системы. Старая система, которая существующая и формированная на деньгах, она уже вообще не работает и начинает сжирать сама себя. И подходит новая огромная власть, назовем ее тогда так, которая базируется на главной ценности этих людей.

Не хотелось бы, конечно, говорящей о гражданской войне, допустить все это, но возможно ли смена власти, когда система сама себя начинает сжирать изнутри, вот такой вот глобальной, на уровне прямо целой страны? Как вы думаете?

[Говорящий 1]

Не знаю на этот вопрос. Я думаю, что не существует ответа вообще. Я исхожу, прежде всего, из того, что та система власти, которая сейчас сформировалась, она очень прочная и, на мой взгляд, крепко сидит на интересах огромного класса людей.

Ну, это не класс. Это, как сказал один современный антрополог-философ, это сословие. Я забыл, как его зовут.

Очень интересный автор, у которого есть такая лаборатория Хамовники. Поищите в интернете, очень интересно. Философ, который с молодыми ребятами занимается социологией, но только не формальной социологией, а реальной социологией.

Кордонский, что ли его фамилия, Грекодор, какая-то такая. В общем, называется его лаборатория Хамовники. И он как раз, у него есть теория не классового общества у нас, а сословия.

Так вот, сословие, которое сегодня цементирует, это мое представление, сегодня цементирует ту власть, которая сегодня сложилась в России государственная, оно очень-очень прочно, и оно его поддерживает. Да, они хотят идеологии, разумеется. Но идеологии хотели и 20 лет назад.

Когда пришел Сурков, он объявил такой крестовый поход за национальной идеей. В начале нулевых, это как раз был такой поиск обширный, запрашивали разные слои академической, общественной, всякой, там искали национальную идею. Все это обломилось.

Никакой национальной идеи не нашли, поскольку все-таки интенция-то идет еще 150 лет назад, найти русскую идею. Поэтому философы, антропологи, многие работают над этим. Но вывод-то, к сожалению, неутешительный.

Некоторые уже пришли, я состою в их числе, что не существует в России национальной идеи. И ее не будет существовать в ближайшие годы, поэтому нам лучше всего об этом не думать. Просто не тратить зря на это силы.

Нет ее национальной идеи, и пока не будет. Возможно, она сформируется. Возможно, нет.

Такие вещи не предсказываются, они слишком глобальны. Но это вовсе не означает, что без национальной идеи мы пропадем. Нет, нам нужна, если нет идеи, то нам нужна все-таки некоторая, но не идеология.

Нам необходима некоторая система понятий, в том числе система прогнозирования. Вы правы, Ольга, что одно из самых болезненных сегодня в сознании людей, которые активно что-то делают, это отсутствие будущего. Сегодня это все замечают, все понимают и в ужасе от того, что ни у кого нет никакой идеи про будущее.

А она нужна, потому что необходимо строить стратегические планы развития, элементарно. А их нет. И никто не знает, как это сделать.

Причем это настолько явно, что оторопь бросает, в дрожь бросает. Например, с теми же дальневосточными островами. Все говорят, нельзя упускать непяты своей земли.

Но никто не может сказать, зачем она нам нужна. Никто не может даже идею какую-нибудь бросить. Пусть фантастическую, а что мы с ними будем делать?

Например, никто не понимает, что делать с районами Крайнего Севера. Что добывать там можно полезные ископаемые, это знают все. Это понятно.

Но это не развитие региона. Это просто добыча. Это элементарная, так сказать, вахтовая работа.

Можно сказать автоматическая. То есть в будущем можно представить себе, что это нефть качает автоматы. Вот они стоят в этой самой тундре, которая покрыта снегом, и людей там нет.

При необходимости вылетает какая-то ремонтная бригада, и все. В будущем регионы развивать нет необходимости. То же самое вот там Дальний Восток.

Он никому не нужен. Он не нужен стране. И простая проблема.

А вот что нам делать с этими территориями? Территориальный вопрос для России принципиальный. Потому что она огромная территория, которая не может собой управлять.

Она неуправляема. Но вопрос, а зачем она нужна? Допустим, там есть стратегический план возвращения и реконструкции огромных аэродромов, которые были по всему периметру Севера и Дальнего Востока, истребительные и оперативно-тактические авиации.

Они при Советском Союзе были созданы, потом их забросили и сейчас восстанавливают. Очень хорошо, а зачем? Никто не может ответить на этот вопрос.

Непонятно зачем. Что с этим делать непонятно. Вот развитие Северного морского пути понятно.

Да, это перспектива. Вот это могут посчитать. И Путин говорит, вот хочу, чтобы было 80 миллионов тонн Севморпути.

Поставил задачу. Другое дело, что она неуполнима. Это неважно.

Но тут есть конкретная программа, есть идея. Экономическая идея. Очень все понятно, все очень просто.

Но при этом зачем нам нужен Север? Ведь от этого зависит строительство, допустим. А строить там города или не строить?

А если строить, то для кого? А зачем? А что эти люди будут там делать?

И, конечно же, это связано с будущим. Что нам будущее дает? Вот мы к чему стремимся?

У нас нет совершенно никакого представления о будущем. Это очень большая проблема. И я думаю, что сейчас очень многие люди просто в депрессии.

Тех, прежде всего, люди, которые призваны проектировать. Вот то, о чем сейчас, вы знаете, есть такая мощная, условно говоря, мощная такая группировка, которая называется «Методологи». Начинал когда-то это Щедровицкий Георгий Петрович, сейчас продолжает его сын Петр Георгиевич.

Но проблема в том, что на их языке никто говорить не хочет. Это сложно, но, по крайней мере, методологи, они призывают к осознанному проектированию. Говорят, давайте проектировать реальное будущее.

Эта деятельность, если мы ее организуем, она будет, давай, приносить пот. И это совершенно реально. Но никто не хочет этого делать, потому что это реальное проектирование, оно потребует потом этого выполнения.

Это так же вот как с «Тойотой». Хотите вы принимать программу «Тойоты» или там свою разработать? Он говорит, для рабочих хотим, для себя нет.

Но тут точно так же. Нельзя проектировать будущее, если его никто не хочет, наступление. И это большая проблема для мозгов.

А если нет будущего, если нет идей, тогда вот эта молодежь, она приходит ради чего? 20 лет назад ей говорили, деньги. Власть, она же деньги.

Деньги, она же власть. Они сказали, хорошо, мы хотим, давайте нам, так сказать, возможность. Вот сейчас огромное поколение выдвинулось.

Вот этих молодых, как человек называют, технократов. Они, конечно, никакие не технократы, но не в этом дело. Они пришли.

А ради чего все это? И вот это, между прочим, вот это отсутствие идей, оно разлагает общество больше, чем к знакрадству. И ложь.

Больше. Потому что люди хотят во что-то верить.

[Говорящий 4]

А этого нет.

[Говорящий 1]

И это проблема. Духовная проблема. И никто не знает, как ее решать.

Но думали, вот будем в православии останавливать. Сломалось. Эта идея сломалась.

Мы должны это признать. Особенно в связи с Украиной, с событиями на Афоне и то, что сейчас происходит во внешней церковной политике. Понятно, что у государства, я сейчас не про церковь говорю, а у государства эта идея, она уже не работает.

Поэтому тоже не будущее. Церковь останется. Церковь будет церковью.

Она свое место имеет, и она такая останется. Национальной идеей она не стала и не станет. По крайней мере, в ближайшие 20 лет точно не станет.

Что будет дальше, трудно очень загадывать. Но вот единственное, во что я верю, и это вот в такую как бы идею человека. Причем это не идея, это, я бы сказал, даже конкретная программа.

И эта идея человека, она основана на основных антропологических свойствах людей, которые живут на территории нынешней России. Для того, чтобы строить такую программу, надо прежде всего изучить, как люди живут. Ведь вот, например, есть исследование, что у нас огромное число людей работает в теневой экономике.

Это всем известно. Примерно третий. Но что это за теневая экономика?

Многие думают, что теневая экономика – это наркотики, порно-бизнес, торговля оружием, что еще? Обычный криминальный бизнес во всем мире. Ну, наркотрафика.

Но нет, у нас же огромная масса – это так называемая гаражная экономика. Кустарное производство, которое невозможно его выявить, его невозможно обложить налогами, с ним ничего нельзя сделать. Между прочим, при советской власти оно было всегда.

Вы знаете, что оборонка пользовалась кустарной экономикой? Что во время войны были артели, частные артели, которые делали снаряды и даже изготавливали стволы пушек в гараже, то есть руками. А сегодня это становится просто массовым явлением.

А что с этим сделать? Ничего. Нет, запретить-то все можно, только, кстати говоря, это очень трудно будет искоренить сейчас.

Так вот, вопрос-то, мы что делаем? Мы ломаем людей или мы помогаем людям? Вот это первый вектор.

Вот сегодня государство будет развиваться, ломая людей или помогая людям? Потому что, вот смотрите, что государство сегодня говорит? Государство говорит, люди имеют огромные деньги, а государство ничего от этого не имеет.

То есть теневые деньги, теневые доходы, теневая экономика, теневой оборот. Ну это же ненормально. Нам не хватает инвестиций, а под нами ходят, гуляют огромные потоки этих инвестиций, и они не попадают в светлый оборот, в реальную экономику.

И мы не можем в результате развивать ничего. И принимаются меры, ну как положено государству, принимаются меры против людей. Что это такое?

Это война, которая кончится, известно чем, проигрышем государства. Государство проиграет в этой войне.

[Говорящий 2]

Но мы опять возвращаемся к национальной идее. То есть если бы была национальная идея, в которую бы люди верили, хотели бы вкладываться, они бы сами добровольно понесли эти деньги. Если мы спускаемся от национальной идеи, мы не понимаем, как развивается все государство.

Следовательно, мы не понимаем, как развиваются регионы. Находящиеся внутри регионов предприятия не понимают, как развиваются они. Соответственно, люди, которые работают в этих предприятиях, не понимают, куда воспитывать и направлять своих детей, которые еще маленькие.

И тогда что делают самовластные люди в своей семье, на своих предприятиях, если не на что опереться, на что человек начинает опираться в семье, либо при руководстве предприятием, либо при руководстве регионом, если отсутствует вот эта база? Тогда откуда приходит?

[Говорящий 1]

Очень просто все. Посмотрите, как живут те самые люди, которые сегодня нам, по крайней мере, известны. Что делает обыкновенный бизнесмен или чиновник, который зарабатывает большие деньги?

Что он делает? Отвозит детей в Лондон.

[Говорящий 2]

Живет сегодняшним днем.

[Говорящий 1]

Нет, не просто. Он отвозит детей в Лондон, он покупает зарубежную недвижимость и обеспечивает там себе какие-то капиталы. Для кого он это делает?

Для страны?

[Говорящий 2]

Нет.

[Говорящий 1]

Для семьи?

[Говорящий 2]

Ну, и не факт, что семье это надо. Как мы говорили, когда рассматривали тему богатства на семинаре.

[Говорящий 1]

Это верно, но интенсия-то куда? Куда человек несет деньги? В семью.

Вот это и есть один, это первый пока, первый вектор. Человек без идей все равно будет работать на семью, потому что он понимает, что бы там ни было, во что я верю, во что не верю, но моя жена, мой дом, мои дети, мои внуки – это моя забота, и мне это хочется делать, и я это делать буду. Вот это первый вектор.

Итак, человек в отсутствии национальной идей имеет идею семьи. И она есть. Я встречал очень у многих и в церкви, и во многочисленных встречах с чиновниками.

То есть вот эта семья – очень крепкая идея. Очень важная, очень крепкая. И, пожалуй, это всех объединяет.

Всех. Причем даже разные религиозные партии. Даже разные идеологические системы.

И коммунисты, и олигархи, и западники, и почвенники – все с этой идеей. А вторая идея все-таки, как мне кажется, – это идея человека. Что такое идея человека?

С чего начинается человек, если мы рассматриваем его антропологически в нашей реальности? Он начинается с того, что у него есть семья, у него есть дом, у него есть работа. Вот работа.

Работа – это второй очень важный вектор. Потому что откуда у человека источник жизни? Материальный откуда?

Это какая-то его работа, какая-то его деятельность. Люди ради работы переезжают от одного города в другой. Ради того, чтобы получить какую-то карьеру, переезжают в другой город, в другой регион, в другую страну.

Люди для того, чтобы заработать, покидают свой дом в деревне, работают в городе, потом возвращаются в свою деревню. То есть главный вектор, который заставляет людей двигаться, напрягаться, что-то делать, достигать – это работа. То есть источник дохода.

И для подавляющего большинства сегодня источником дохода является зарплата. Это очень плохо. Потому что, когда мы говорим про депрессивные регионы, когда мы говорим про бедные дотационные регионы, регионы говорят, а у нас нет рабочих мест.

Давайте нам инвестиции, у нас будут рабочие места. Что происходит? Администрация, то есть власть, говорит, что мне своих людей нужно чем-то занять.

То есть у меня сидят люди без работы, а им надо дать работу. Главный ресурс в данном случае – это люди, которые могут сами сочинить себе работу. И тогда это уже не заработная плата, а это самостоятельное предпринимательство.

В этом смысле гаражная экономика – это ответ на вопрос.

[Говорящий 2]

Вы говорили на первом семинаре об очень хорошем синдроме. Синдром выученной беспомощности. То есть получается, что к власти в этих регионах пришли те люди, у которых власть не истина.

И, соответственно, они пользуются синдромом выученной беспомощности, вместо того, чтобы транслировать свои решения, свою власть и развивать регион.

[Говорящий 1]

Да, конечно. Поэтому сегодняшняя тема, которую мы задумывали, она как раз и должна была продвинуться в эту сторону. Потому что есть два типа власти.

Есть власть личности и есть власть формальная. Власть формальная чем отличается от личности? Там ресурсом власти являются не личность, ее способности, ее таланты, а являются формальные вещи, как то закон, инструкция, должность, статусы и система отношений, которая связана вокруг него.

И, естественно, когда человек такую формальную власть осуществляет, он становится чиновником. Не лидером, а чиновником. Чиновник всегда опирается на систему.

Система, выстроенная вот этой структурой, то, что называлось в конце 90-х вертикаль власти, вот ее построили, построили вертикаль власти, в которой функционировать может любой человек, не обладающий личностной властью, не обладающий талантом властвовать. Любой человек. И тогда он реализует эту власть по должности не исходя из талантов, а исходя из системы.

А система это что? Это же формальная вещь, структура формальная. И попадая в эту структуру, сам человек уже, неважно, имеет он какие-то таланты, харизматик он или он просто-напросто серый такой винтик.

И что он делает для того, чтобы укрепить свою власть? Он доводит до абсолюта эту машину, машину власти. Что такое машина власти?

Это должностные инструкции, это система властвования подчинения, то есть выстроить надо эту пирамиду, кто кому чего, кто за что. Инструкции, приказы, правила, формы, что там еще полагается. Естественно, все это зарплаты, премии.

И вот система построена. И в ней человек либо двигается вверх, либо находится в одном уровне их взаимоотношения по горизонтали. Система отстроена.

Что это такое система? Это смерть. В ней нет ничего человеческого.

Она просто-напросто система. И люди, которые туда попадают, они должны либо пользоваться этой системой, при том, что у них к этому нет никаких даров, дарования, способностей. И тогда им хорошо.

То есть они дорастают лично до системы. Либо, если это талантливые к власти люди, им там тесно, им там узко. Они не могут в этой системе ничего сделать.

Тогда начинают ее разрушать и нарушать. Из-за этого их сажают, естественно, в тюрьму, потому что они нарушили законы, и там, превысили полномочия и так далее, и так далее. То есть система начинает сама себя разрушать, если она привлекает туда людей талантливых, харизматик.

Харизматики нужны для выборов, для решения каких-то проблем с народом, когда всякие революции и все такое. Нужны харизматики. Но когда все спокойно, они не нужны.

И тогда система их выдавливает и удаляет. Потому что система держится на бумажках. На правилах, на инструкциях, на приказах.

То есть это формальная система, которая пользуется бумажками. А бумажки – это тоже мертвые такие вещи, которые людей ранят. Потому что человек приходит, вот хороший пример сейчас, так называемая цифровизация всего, всех сфер социальных услуг.

Например, человек звонит куда-то там, в приемную президента или в прачечную. Что он слышит? Он слышит сначала музыку.

Потом ему робот говорит, что наш звонок очень важен для нас, что мы хотим вам помочь, подождите. А потом включается робот, который говорит, если у вас это, нажмите один, если это – два, и так далее. И в конце концов он может даже решить свой вопрос, не услышав человеческого голоса.

Вот это прекрасный вообще образ современной бюрократической системы. Она формализована настолько, что с ней справляется обыкновенная телефонная система. В ней нет ничего человеческого, людей это убивает.

Ради этого люди трудиться не станут. Люди могут этим пользоваться и обманывать, кстати говоря, эту систему, потому что это очень легко. Формальную систему всегда легко обмануть и ею воспользоваться.

Отлаженная там, идеальная, подкреплённая всеми, она, в общем-то говоря, может долго работать. Но люди не развиваются с такой системой. Это смерть.

То есть что делает человек, который не имеет даров власти, но попал в систему власти? Он ее умерщвляет. То есть это противоположное движение от властвования к анархии, потому что там нет человеческого ничего, там нет управления, там нет ответственности, нет делегирования.

Там система, там бумажка, там правила инструкции. Причем чем больше эта система развивается, тем больше она обретает своих формальных инструментов, свои формальные инструменты. И происходит не только синдром выученной беспомощности, а там развивается синдром бессмысленной деятельности.

Этот синдром очень хорошо заметен на всяких конференциях, совещаниях, собраниях, где люди встречаются для того, чтобы говорить слова. Вот в мою молодость и даже в мою юность была такая литературная газета, последняя страница которой была посвящена всяким юмору, сатире. И вот там были знаменитые всякие сатирики наши.

Георгий Горин там часто писал. Вот у него было такое, я уже не помню, как называлось. Это в общем про собрание, про совещание.

И двое инженеров сидят там где-то в уголке комнаты и играют между собой в шахматы на совещании. И вдруг на совещании тишина, пауза какая-то, и все начинают друг на друга смотреть. Потому что когда кто-то говорит, все заняты своими делами.

Ну сейчас это смартфоны в основном, компьютеры. А раньше играли кто в этот самый морской бой, кто в шахматы, кто там еще во что-то. И как только они эту паузу услышали, мгновенно у них сработал рефлекс.

Один из них стоит и говорит, а вот что нам скажет начальник транспортного цеха? Тут же встает с испугом начальник транспортного цеха, потому что он в это время тоже чем-то занимался, и он начинает что-то мямлить, и собрание продолжается. Вот это прекрасная имитация.

Понимаете, все привыкли, все это умели делать, все это хорошо работало, механизм работал слаженно, все получали зарплату. И вот эта вот имитация конференции, это, пожалуй, имитация всего того, что происходило в Советском Союзе. Все было имитацией.

И сейчас точно так же. Вот эти конференции, собрания, все. В чем беда?

Ведь приходят живые люди туда. И они потом друг с другом хорошо говорят. Вот когда формальная часть кончилась, они потом встали из-за стола, сняли пиджаки, поправили голоски и начинают общаться.

«А как твоя жена? А как твои дети? А как вы съездили в горы?»

А как вы там то?» И вот начинается уже живая жизнь. А вот то, что было тут, вот в этом собрании, скажем там, Савянин, Глушков, вот это все имитация. Но почему это происходит?

Потому что власть формализована. Чем больше она формализована, тем больше она имитирует живую жизнь, имитирует вот эти вот самые разговоры. Мне приходилось встречать людей прям противоположного толка.

Людей, которые способны не только властвовать, просто власть, которые способны создавать, строить, зарабатывать деньги, строить заводы, строить дома. И я всегда видел, что этот человек, он говорит, вот ты мне не нужен, ты мне не нужен, я вас увольняю, потому что это лишние, совершенно, фигуры. Какое священие?

Священие мне не нужно. Вот сейчас решаем все здесь. Вот идеальная стройплощадка, здесь все решаем.

Ты это делаешь, ты это делаешь, вечером мне расскажешь, что делаешь, прямо вот звонишь. И так, это строим, это не строим, это везем сюда и туда. То есть вся структура поломана, никакой структуры власти нет, человек своей харизмой заполняет это все и движет, и движет весь этот организм, создается, строится.

И вот смотрите, что было при Сталине. При Сталине был Берия, который создал всю советскую современную науку, науку, естественно, которая работала на оборонку и саму оборонку. Что сейчас, почему сейчас ракеты падают?

Потому что между тысячами предприятий разрушились горизонтальные связи. Кто их держал? Их держал Берия своей властью человека, естественно, там с автоматчиками, там со страхом, все как полагается, но он держал это своей властью.

И он построил эту систему, которая работала. Да, она работала на страхе, да, она работала на ИДИ, там все было. Но он создал эту систему.

Вот она до сих пор была, теперь уже ее нет, она рассыпалась. Но создать такую же на деньгах не удалось. И удастся.

Ну, для этого надо 200 лет, как в Америке, чтобы такая система строилась сама, с нуля, постепенно. Хотя, на самом деле, сегодня уже 200 лет не нужно, можно быстрее, другие страны это показывают, но это не про нас

пока. Ну, так вот, невозможно построить живую работающую систему на формальной бюрократической власти.

Там омертвляется талант, способность человека. Если мы говорим о том, что нашим ресурсом является человек, тогда мы должны понимать, что эта идея входит в противоречие с бюрократической системой. А как без нее?

А как вот эту страну гигантскую управлять без вертикали власти? Это невозможно.

[Говорящий 2]

А можно начать строительство системы, конечно, это не за год, но снизу. То есть, если человек сначала внутри семьи берет на себя ответственность за самовласть, поучит этому своего ребенка, ребенок вырастает с пониманием, что он отвечает за свою жизнь, что он может управлять, что он может выступать паровозом, создает какой-либо бизнес, либо начинает управлять предприятием, и рядом уже подросли такие же, как он, и они начинают строить вот эти горизонтальные связи между собой, а дальше выходить на следующий уровень, то тогда, возможно, построение системы должно начинаться не сверху, а снизу и из семьи, раз это главная ценность человека.

[Говорящий 1]

Абсолютно истинно, но только для этого требуется время.

[Говорящий 3]

Большое время.

[Говорящий 1]

А у нас его нет.

[Говорящий 3]

А у меня в «Резонанс», Ольге, вот идея, вот то же самое, только с другой стороны, что вот у меня очень отозвалось про картинку будущего, что как раз если будет такая картинка на уровне семьи, на уровне, я вот прям к себе это очень четко примерил, по своей картинке у меня прям даже как-то плечи начали исправляться, как-то даже дыхание изменилось по картинке своего будущего, по картинке будущего семьи, и ключевой момент вот здесь вот то, с чем мне постоянно приходится работать, это захотеть этого. Потому что взять ответственность, это, как говорится, как мне мама говорила, ты получил диплом, это же огромная ответственность, ты теперь должен уроки делать, да нафиг мне эти уроки нужны, вот типа того. Отец Андрей, если можно, у нас тут просто у участника, у Ивана вопрос, он

раньше всех зашел, я думаю, он не совсем в створе нашего вот именно системного размышления, но тем не менее вопрос очень живой, и я в свое время как человек, увольнявший людей и переживавший по этому поводу очень страшно, вот у Ивана вопрос, на чем должны основываться решения, например, увольнения сотрудников, решения, влияющие на жизнь многих людей, изменения методики работы крупных предприятий и так далее, с точки зрения христианства.

[Говорящий 1]

Он имеет ввиду, с точки зрения начальника, или того, кого увольняют?

[Говорящий 3]

Ну, с точки зрения, видимо, начальника все-таки. Я начальник, да, начальника Иван пишет.

[Говорящий 1]

Понимаете, какая штука, если начальник не может уволить своего сотрудника из жалости, из христианского сознания, что этому сотруднику нечего будет есть, кормить свою семью и платить ипотеку, то он, во-первых, его обманывает, а во-вторых, он приносит ему несчастье, потому что он как бы ему закрывает небо и говорит, без меня ты пропадешь, поэтому я тебя не увольняю. Он его унижает и лишает его будущего. А он должен его уволить и сказать, вот теперь ты на свободе, ты можешь более эффективно развиваться, ты можешь найти то место, которое будет для тебя созидющим.

Начальник, который из христианских мотивов не увольняет сотрудника, который уже изжил свое место на предприятии, он, во-первых, ему лжет, а во-вторых, он становится для него богом. Я должен о тебе позаботиться, о твоей семье, значит, я твой отец, значит, я твой бог. Это уже игра в отца.

[Говорящий 2]

На первом семинаре вы говорили, очень интересно об этом, приводя пример, что психологически зрелая личность, она сама руководит собой и сама имеет власть реализовываться и, соответственно, не попадает в треугольник Карпмана, не нуждается, чтобы спасти кого-то и при этом не нуждается быть в роли жертвы.

[Говорящий 1]

Совершенно верно. Поэтому начальник, который претендует на отеческую роль, он и сам попадает в роль жертвы и он сам становится еще и палачом. Треугольник-то, он же меняет все время свои полюса.

Поэтому если речь идет о производственных отношениях, здесь не должно быть идей спасения человека или его семьи. Мне очень понравилось, как один человек, который имеет свое частное бюро, как это сейчас называется, он персонал подбирает, ну, что-то вроде, как это, в общем, трудоустраивает людей, но только всяких разных топ-менеджеров. И он говорит, что «Моя задача не пристроить человека на место, найти ему с большой зарплатой работу».

Моя задача — дать возможность человеку максимально развернуть свои таланты». Вот он говорит, я хочу быть там, допустим, банкиром. А мы с ним начинаем работать, вот там одна анкета, потом собеседование, а я смотрю — никакой не банкир.

А он там, допустим, администратор хороший или инженер хороший. И мы начинаем подбирать, можно даже курсы устраивать. И он говорит, вот теперь я не банкиром хочу, я теперь хочу работать, не знаю, учителем.

То есть задача не в том, чтобы обеспечить человека зарплатой для его семьи, а задача в том, чтобы предоставить человеку возможность развиваться. Понимаете, как только смещается полюс деятельности в эту сторону, все по-другому совершенно не будет.

[Говорящий 2]

Развиваться, какое хорошее слово. Вот смотрите, мы много говорим о том, что самовластвующий человек — это психологически зрелая личность, это человек, понимающий в том числе и других людей, и себя. Вот это развитие в человека, откуда приходит, где он набирается вот этого опыта в своей жизни.

Нельзя же всему научиться только на своих ошибках. Это очень длинный путь.

[Говорящий 1]

Так нет, так и не бывает. Мы учимся непрерывно и постоянно. Как родились, так постоянно развиваемся, учимся.

Учимся в семье, учимся в расширенной семье, учимся с друзьями, знакомыми, в школе, везде, всюду. Нет, понимаете, проблема в другом. Я думаю, что проблема в том, где и как человеку обрубали крылья.

То есть человек сам по себе, у него огромные внутренние интенции развиваться. По сути дела, это такая, это кастрюля, которая кипит, и

невозможно удержать крышкой, она все время взрывается. Вот что такое человек.

Поэтому не надо искать источников развития в человеке. Там кипящий атомный реактор. Только не надо его давить, не надо его бетонировать, не надо его прятать и саркофаг на него одевать.

Вот задача в чем – саркофаг снять.

[Говорящий 2]

А если человек уже с саркофагом? Ну вот так получилось.

[Говорящий 1]

Это его внутреннее же решение. Это же его бегство от действительности, от реальности своей. Это же не просто так с ним произошло.

Но пока он этого саркофага сам снять не хочет, ничего не произойдет. Мы лишь можем только создать условие.

[Говорящий 2]

Но ведь это страшно. Ведь властвующий человек, он открывается навстречу боли, он отдает себя людям. То есть он для того, чтобы транслировать свою энергию, должен открыться.

И это не только риски, это риски радости, это риски и боли.

[Говорящий 1]

Ну конечно.

[Говорящий 2]

Что поможет открыться навстречу этой боли, снять саркофаг? Ведь многие люди боятся этой ответственности.

[Говорящий 1]

Поможет только одно. Ну, не только одно, но прям такое вот то, что мы часто встречаем. Больше я жить так не могу.

Очень часто люди приходят именно с этим запросом. Я больше так жить не могу. Я больше так жить не хочу.

Но под саркофагом больше не хочу. Все. Или происходит какой-то стресс.

Что называется, Господь попустил. Заболевание, страшное какое-то событие, какое-то горе тяжелое, еще там что-то. То есть сотрясение.

Господь взял человека за шкуру и сказал, ну проснись наконец, что ж ты спишь-то? Вставай. Либо бывает что-то спонтанное.

Вдруг в человеке что-то ожило, что-то выросло, что-то созрело. Так тоже бывает. Но все это внутреннее.

[Говорящий 3]

Ну то есть получается, что гробы-то надо взламывать ломом. Говорится, чтоб оттуда уже.

[Говорящий 1]

Нет, они изнутри разламываются.

[Говорящий 2]

Можно ли помочь разломать снаружи? У нас с Алексеем идет постоянный спор.

[Говорящий 1]

Ольга, это будет насилие. И против насилия человек всегда встанет в защиту и начнет войну против вас. Какое вы имели право ломать мою защиту?

И он будет воевать с вами до конца. И вы потратите время, и вы не построите дом. Вам нужен дом построить?

Причем чтобы построил его человек. Сам. Сам найдет кирпичи, доски, место, землю.

Вот только не мешай.

[Говорящий 2]

Отец Андрей, правильно ли я понимаю, что если человеку показать, что смотри, у тебя есть спички, у тебя есть бревна, вот так можно высечь искру. Попробуй. Он же не всегда понимает свои дары.

[Говорящий 1]

Проблема России в том, что мужики-то знают, чего они умеют. Им не нужны ваши спички и бревна. Это он может вас научить, как строить.

Ему только нужно одно. Отстаньте от него, перестаньте ему мешать. Не грабьте его.

И не мешайте ему строить. Он знает, что он строит дом для своей семьи.

[Говорящий 3]

Это, кстати, мы с Ольгой обсуждали, что не обзламывать гроб, а наоборот какую-то защиту добавить.

[Говорящий 1]

Я прошу прощения. К сожалению, у меня сейчас должна быть консультация, и я, к сожалению, должен с вами проститься. Мне очень жаль, что на таком остром моменте, но я предлагаю это в недалеком времени продумать и продумать новые вопросы и зафиксировать те, на которые я не успел ответить.

[Говорящий 3]

Спасибо, отец Андрей, мы обязательно зафиксируем. И я даже думаю, что в следующий лендинг соберу именно вопросы обязательно. Вы придете, Ольга?

[Говорящий 2]

Обязательно.

[Говорящий 3]

Спасибо.

[Говорящий 4]

Мне было очень интересно.